

інтересом сучасної казки є душа, емоції, вчинки, взаємостосунки героїв і навколишнього світу, іноді й неістот, внутрішній діалог.

Отже, щоб "розум ішов наперед", говорив М.Гоголь, необхідно, щоб усі моральні сили в людині йшли наперед. Цьому була підпорядкована вся творчість письменника, адже уже більше як "150 років поспіль його твори продовжують відкривати глибину української душі, чарівний світ рідної природи, національний колорит українського характеру, велич людської особистості" [10, с. 163].

Література

1. Литовченко Т. З печер до зірок // Український фантастичний оглядач. – 2008. – №3 (5).

2. Карацупа В., Левченко О. Минуле української фантастики // Український фантастичний оглядач. – 2007. – №2 (2).

3. Литовченко Т. Нація письменників // Український фантастичний оглядач. – 2008. – №2 (4).

4. Літературознавча енциклопедія: У 2 т. – Т. 2 / Авт.-уклад. Ю.І.Ковалів. – К.: ВЦ "Академія", 2007. – 624 с. – С. 522 (Енциклопедія ерудита).

5. Генрі Лайон Олді. А раптом ти – прибулець жукоокий... Про фантастичні припущення // Український фантастичний оглядач. – 2008. – №4 (6). – С. 60–66.

6. Дев'ятко Н. Можливості впливу сучасних жанрів: фантастика, фентезі, казка // Український фантастичний оглядач. – 2009. – №1 (7). – С. 59–66.

7. Крутікова Н.Є. Микола Васильович Гоголь: Життя і творчість. – К.: Художня література, 1952. – 156 с.

8. Нечуй-Левицький І.С. Світогляд українського народу (Ескіз української міфології) / Іван Нечуй-Левицький. – К.: АТ "Обереги", 1992. – 88 с.

9. Гоголь М.В. Вибране: у кращих українських перекладах // Пер. Остап Вишня, М.Рильський, Петро Панч, А.Хуторян; Передмова М.Жулинського. – К.: Наукова думка, 2009. – 352 с.

В.В.Любецкая

Эстетическое прозрение и художественное ясновидение стиля Н.В.Гоголя

Сегодня, когда творчество фактически сведено к понятию "самовыражение", когда истина постигается только через разрушение традиции, осмысление духовного наследия Н.В.Гоголя весьма актуально.

Общепринятым является положение о том, что субъект – исток, порождающее начало стиля. Тогда стиль проистекает из творческой активности человека и только так приобретает свое осязаемое бытие. Согласимся с этим утверждением лишь частично, так как нельзя сказать, что стиль осознанно и целенаправленно создается человеком. Человек творит не стиль, так как стиль объективен, то есть непреднамерен, произволен, поэтому он не может быть результатом субъективно-сознательного выбора человека. "Стиль обусловлен как объективной действительностью, характером исторической эпохи, общественных отношений, своеобразия национальной жизни, так и личностью писателя, его дарованием и способностями, его умением наблюдать жизнь, его манерой мыслить, чувствовать, откликаться на действительность" [1, с. 23].

Итак, в стиле выражается творческая самобытность писателя, но стиль больше "творческой индивидуальности", больше "творящего субъекта" уже только потому, что в стиле всегда живет "память" о тех или иных стилевых традициях. Неуклонное стремление нового времени – отказ от традиционных устоев и создание множества индивидуальных миров, которое "приводит в конечном итоге к разрушению реального духовного единства человека и вселенной, человека и истории" [2, с. 14]. Для создания своего, нового творческого открытия человек "обрывает нити великих и малых традиций, человеческое сознание как бы укорачивает, уменьшает само себя" [2, с. 14]. Таким образом, творчество – не просто "свобода выбора", "завораживающее открытие" или вечное движение к неизвестному, прекрасному, но "тайна призвания", которую Н.В.Гоголь разгадывал и исполнял всю свою жизнь. Осознавая свою ответственность перед Словом и духовным долгом, Н.В.Гоголь был обращен к таинственному зову, и это не случайный эпизод его биографии, а поворотный пункт духовного становления. Н.В.Гоголь, создавая "новое", отмеривал его от полной правды, и такой взгляд был самым простым и верным. "Божественное чувство беспредельности всей жизни – важнейшая черта реалиста Гоголя. Гоголь был тем велик, что всякая мелочь единого мира была для него живая, значительная (без нее не будет мира всего)" [3, с. 8]. Целостность мира – главное ощущение Гоголя, приводит его к стремлению озирать "всю громадно несущуюся жизнь" и в циклах "Вечеров...", "Миргороде", и, конечно же, в "Мертвых душах". Гоголь создает "новую форму" – поэму, наполняя ее всеми мелочами и случайностями, которые несут в себе отпечаток Создавшего. Л.Толстой писал: "Я думаю, что каждый большой художник должен создавать и свои формы. Если содержание художественных произведений может быть

бесконечно разнообразным, то также и их форма... Возьмите "Мертвые души" Гоголя. Что это? Ни роман, ни повесть. Нечто совершенно оригинальное" [4, с. 116]. "Вещь", которую пишет Гоголь, он именует "самым порядочным творением", указывая, что это не повесть и не роман, а поэма. Писатель создает совершенно новое жанровое целое, не повторяя ни один из уже известных (эпические поэмы Др. Греции – невосстановимый жанр; романтические поэмы пушкинского, байроновского типа; поэма Данте – "Божественная комедия"). "Роман, – пишет Гоголь, – несмотря на то что в прозе, не может быть высоким поэтическим созданием. Роман не есть эпопея. Его скорее можно назвать драмой" [5, VIII, с. 481–482]. На известной обложке первого издания, выполненной по рисунку Гоголя, слово "поэма" доминирует и над названием, и над фамилией автора. Огромные светлые литеры должны "вскочить в глаза", так подчеркивается универсальность художественной задачи. Свое творчество Гоголь воспринимает "всерьез" как средство спасения, как возможность исправления ошибочности нашего мира. Протоиерей Иоанн Восторгов о Н.В.Гоголе сказал так: "Вот писатель, у которого сознание ответственности пред высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, так глубоко охватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною болезнью... Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой" [6, с. 23–24]. Ответственное отношение к Слову и ощущение "целостности мира – это ощущение Бога, его Творца" [3, с. 9]. Раздробленность нашего сознания не приводит к живому духовному синтезу, а только к интеллектуальной игре, потому и творчество не может быть "всерьез", и чтение не может быть глубоким и созерцательным. Н.В.Гоголь не смотрел простым зрением, "равнодушными очами", а вглядывался в самое малое, во весь дрязг жизни с участием. К.Леонтьев в работе "Анализ, стиль и веяния", оценивая стиль Гоголя, писал о проявлении "ненавистного ему всероссийского ковыряния". Под этим "ковырянием" К.Леонтьев понимал сосредоточенность гоголевского стиля на отрицательных деталях и их нагнетании. Кажется, Гоголь небрежен, у него вечно "из букв выходит какое-нибудь слово", как он пишет в "Мертвых душах", но что скрыто за этими общеизвестными словами, образами. Гоголя противопоставляют Пушкину, стиль которого характеризуется точностью и краткостью. "Выисканность" (термин С.Бочарова) гоголевского слова – это особая правда, красота и точность, которая не искажает видение сердца. Гоголь желал, чтобы его видение и голос были верно поняты, услышаны. Он полагал, что читателю откроется

"значительное и важное", если он будет "чувствовать сердцем и созерцать из сердца". Стиль-видение (определение М.Пруста) – это отправной пункт критики сознания, вариант глубинной стилистики. Стиль проявляется в мелочах, которые не могут ускользнуть от "живописца", ведь Гоголь "рисует с наглядностью образа", и которые не станут воспроизводить фальсификатор (манера – стиль). "Мелочь" не может быть случайной, так как она в себе заключает мир (мировоззрение, эстетическое прозрение, связь с духом автора-творца). "Стиль для писателя так же, как краска для художника, – это вопрос не техники, а видения" [7, с. 196]. Стиль – эстетическое прозрение, он связан с мировидением автора и высшей объективностью, стоящей над субъектом. Стиль отражает и проецирует вовне "внутреннюю форму".

Итак, "мелочь единого мира" была для Гоголя примечательна. "У него ружье на стене именно не стреляет, дабы оправдать свое место в пьесе. Оно висит на ней как часть огромного мира, который прекрасен потому, что все в нем живет, все значительно, все сотворено, всему есть место, ничто не лишнее, не случайное – все любимое" [3, с. 9]. Мир познается Гоголем поэтически, поэзия выступает адекватной формой существования творческого сознания. Запечатленное Гоголем поэтически и есть самое несомненное в его произведениях. А поэтически он запечатлел увиденные "безделицы" русской жизни и все ее неоднозначности. Тайна русского бытия двойственна – оно и материально, и духовно, и смертно, и вечно, и падшее, и призывающее ко спасению. Этот "глас" расслышал писатель, это и есть онтологическое начало мира и лада. Из глубины души звучит завещание писателя-христианина, который преодолел раздвоение в себе, настроив свою душу на новый лад: "Может быть, Прощальная повесть моя подействует сколько-нибудь на тех, которые до сих пор еще считают жизни игрушкой, и сердце их услышит хотя отчасти *небесную музыку* этой тайны... Клянусь, я не сочинял и не выдумывал ея: она *выпелась* сама собою из души, которую воспитал Сам Бог испытаниями и горем, и звуки ея взялись из сокровенных сил нашей русской породы, нам общей, по которой я близкий родственник вам всем" [5, с. 11].

Итак, следует отметить, что умение воспринимать живого мыслящего автора составляет существенное звено в понимании стиля, хотя понятие стиля отнюдь не ведет к его отождествлению с субъектом. Гоголь – мастер словесного изображения, путем внутренней душевной деятельности, посредством изображения внешних явлений, он неизбежно выходит на уровень иного "объективного изображения". На этом уровне исторические частности не имеют значения, как и чисто субъективные

особенности художника. Содержание художественного произведения развернуто у Гоголя таким образом, что "явственно показана душа и субстанция изображаемого предмета" (по Г.-В.Ф.Гегелю), в стиле раскрывается глубинный смысл, сокрытый внутри него. Гоголь "болеет" и "исцеляется" писанием, готовый остановить свой взор на малом и через это открыть большее, "мелочь", как и "стиль", у истинного творца не может быть случайной. Отказ от традиции ведет к разрушению стиля. В творчестве Гоголя есть осознание того, что Истина, открываемая милостью Божьей, есть Истина веры, она непогрешима и дает адекватное знание о подлинных ценностях. "Поющим сердцем" Гоголь приходит к духовному ладу, отличному от музыкального (душевного). Находясь в сфере онтологического (лада), а не только эстетического (стиля), Гоголь паломничает к логосу предмета. Лад – это слышимый знак невидимого или сверхчувственного мира ценностей (чистый эмоциональный тон лада – благочестивый, цель его не развлекать, не веселить, не доставлять удовольствие, а приблизить человека к Богу). "Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен, ибо не ищю Моей воли, но воли пославшего Меня отца" (Ев. от Ин.: 5;30). В "слышу" – Истина, смысл, лад. В "видении" – эстетическое прозрение, стиль. Словесный лад – "сверхобъективен", в нем звучит музыка и открывает он больше, чем "склад" слов. Может быть, слова бессильны выразить "свет неба" (вещий голос), но это возможно для словесного лада. Цельность, присущая стилю, не может превзойти сверхчувственности лада. Его ясность и простота есть высший Божественный подарок, так как Гоголь искал ответы на вопросы более важные, нежели проблемы художественного творчества. Будучи художником высочайшего уровня, Гоголь обладал обостренной религиозной одаренностью. Ему было суждено повернуть всю русскую литературу от эстетики к онтологии. В ладе, таким образом, эстетическое не вбирает в себя онтологию, но обретает в ней свой исток.

Литература

1. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля. – К., 1994.
2. Мартынов В. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. – М., 2000.
3. Свящ. Н.Булгаков "Душа слышит свет" Н.В.Гоголь про нас. – М., 2003.
4. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. – М., 1959.
5. Гоголя Н.В. Сочинения. – Т. 7, 8. – СПб., 1990.
6. Н.В.Гоголь и Православие. – М., 2004.